

Социальная перцепция России в рамках генезиса конфедеративного Польского государства

А. А. Зворыгин

магистр истории, аспирант, Вятский государственный университет; сотрудник,
Кировский областной краеведческий музей. Россия, г. Киров. E-mail: artem_zvorygin@list.ru

Аннотация. Статья посвящена социальной перцепции России в рамках генезиса конфедеративного Польского государства. Целью исследования выступает выявление отличительных черт социальной перцепции в Новое время, а также фрагментов из общей польско-русской истории, которые оставили след в исторической памяти. Интеллектуальные истоки русско-польских противоречий смогли сохранить политический антагонизм России и Польши до XXI века. Исходя из этого, важно понять, чем обусловлены негативные образы соседствующих государств и почему они существуют до сих пор. В статье рассматриваются политическая публицистика Польши и дипломатические документы XV–XVI вв. Выявлена преемственность средневековых шаблонов при формировании групповых мотивационно-смысловых структур. Рассмотрена неоднородность в восприятии России польско-литовским обществом. Обосновывается вывод о том, что Люблинская уния 1569 года является отправной точкой изменения отношения польско-литовского государства к Московии – если до XVI века восточный сосед не рассматривался как серьезный оппонент на международной арене, то уже к середине XVI столетия Московское государство стало восприниматься не только как опасный противник, но и как возможный партнер в создании тройственного корпоративного государства. Возможность сближения была упущена Иваном IV, проводившим в это время репрессивную политику опричнины и покушавшимся на важную свободу элекции элиты Речи Посполитой, что и оттолкнуло от русского царя и национально-ориентированное дворянство, и прomosковскую шляхту.

Ключевые слова: Речь Посполитая, Россия, Люблинская уния, международные отношения, социальная перцепция, политика исторической памяти.

В эпоху строительства единого конфедеративного государства основным оппонентом Польши на востоке выступала Россия, и не всегда в роли союзника. Предметом настоящего исследования являются особенности социальной перцепции России поляками в условиях создания единой конфедерации и влияния польско-литовского государства на формирование политической концепции «Междуморья» Юзефа Пилсудского. Александр Владимирович Липатов, доктор филологических наук в статье «Российско-польская история: и общая, и разделенная», пишет, что понимание национальных стереотипов и предубеждений – это понимание себя и других, позволяющее выстроить систему координат в русско-польской истории [5, с. 89].

Современный мир характеризуется как многополярный, что подразумевает множество относительно независимых военно-политических центров, способных влиять на общемировую обстановку. Многие государства имеют богатый опыт международных отношений благодаря своей истории, притязаниям, конфликтам. Подобная участь сплела из России и Польши клубок противоречий и обид, который в течение последних десятилетий лишь крепче затягивается, следовательно, остается все меньше выходов для решения этой проблемы путем дискуссии двух субъектов. Настоящее исследование посвящено актуальной теме русско-польских отношений, которые освещаются в черно-белом свете, и в этом освещении происходит жонглирование идеологемами. В условиях непрекращающихся войн «исторической памяти» и огосударствления историографии принципиально важно объективно оценивать такой феномен, как «историческая политика», вошедший в польский историко-политический дискурс на рубеже XX–XXI вв. Развертывание дискуссий о политике памяти было подстегнуто созданием Института национальной памяти в 1998 г.¹, инициировавшего новый виток русско-польских прений, относительно широкого спектра исторических сюжетов [13; 17]. Польский профессор Ян Дзенгелевский в книге «О системе, политиках и диссидентах. Исследования и эскизы истории Первой Республики» пишет, что «неуместный, проруждающий нацио-

нальную гордость нарратив на темы деяний предков может породить ксенофобию и затормозить весьма желательные процессы обретения европейской идентичности и открытости миру <...>], одна из причин такого положения дел – это СМИ и школьное образование, где навязывается однобокое видение прошлого, которое не вселяет оптимизма» [15, с. 7].

Историческая политика консервативной партии «Право и Солидарность» на данный момент является агрессивно-наступательной. В частности, Лукаш Важехи, один из членов партии, рекомендовал агрессивно реагировать на историческую политику Российской Федерации: «Они пять фильмов о лагерях пленных, мы десять о Катыни, они пятнадцать о занятии Кремля Жолкевским, мы о разделах. Они эпопею о Грюнвальде, мы о битве под Радлавицами» [16, с. 2].

В Польше и России история играет важную роль в процессе формирования гражданского общества. Используя достижения исторической науки двух восточно-европейских государств «историческая политика» является важным инструментом Варшавы в формировании общественного мнения.

Принимая во внимание сложность и неоднозначность общего российско-польского прошлого, следует признать, что последствия односторонне не сбалансированных и искаженных представлений, включенных в мировоззренческий дискурс современного поколения граждан, могут служить мощным фактором дестабилизации межгосударственных отношений на Востоке Европы, что чревато закреплением негативных тенденций в будущем.

Целью настоящей работы является выявление отличительных черт социальной перцепции в Новое время и выявление фрагментов общей польско-русской истории, которые оставили след в современной исторической памяти.

Исторический опыт создает особую систему социальных кодов и смыслов в культурной жизни государств, которые раскрываются через систему «Я/Другой» [2, с. 11–60]. В настоящей статье рассматривается политический дискурс XVI столетия, сквозь призму которого проецируется в современность набор основных социально-политических шаблонов и установок. Методологический аппарат составляют историко-генетический, историко-сравнительный, имагологический методы исторических исследований.

Источниковой базой исследования служат политические памфлеты, художественные тексты исследуемого периода, а также сборник Императорского Российского исторического общества, где представлены все этапы польско-литовско-русских переговоров в XVI веке [3; 6; 8; 14; 18; 20].

В польской историографии проблемам исторической памяти посвящены труды Уршулы Аугустыняк, профессора Исторического факультета Варшавского университета. Аугустыняк рассматривает взаимные русско-польские образы через призму политической публицистики XVI–XVII вв. [1]; польские историки XX века Ян Станислав Быстроня [12, с. 193] и Януш Тазбира [23, с. 208] выдвигают концепцию мессианства и польской мегаломании, считая их столпами национальной идентичности.

Отечественная историография вопроса представлена работой Бориса Николаевича Флори [10] «Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI – начале XVII в.», а также монографией С. И. Николаева [7], посвященной истории польско-русских литературных связей XVII – первой трети XIX в. В книге «Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы» д. и. н., профессора МГИМО О. Ф. Кудрявцева [4] рассматривается образ русского в восприятии европейцев.

С момента получения независимости Польским царством 11 ноября 1918 г. политическая элита Польши начала строительство национального государства. Процесс поиска Варшавой геополитической роли на арене международных отношений в межвоенный период был тесно сопряжен с рецепцией исторического опыта Речи Посполитой как «щита Запада».

Система идей о Польше как фронтире цивилизации и антибольшевистской плотине была аккумулирована Юзефом Пилсудским, военным и политическим деятелем, в концепцию «Междуморья». Основной целью этого проекта стало объединение соседствующих с Советским Союзом государств в федерацию при политическом доминировании Варшавы. Концепция *Intermarium* определила внешнюю политику Варшавы не только в межвоенный период (1918–1939 гг.), но и оставила след на польской политической парадигме последних двух десятилетий.

Политическая концепция Междуморья, выдвинутая Юзефом Пилсудским после Первой мировой войны, имеет широкую политико-идеологическую базу и глубокие исторические

корни. Свою программу переустройства Восточной Европы польская шляхта впервые наметила в конце XIV века (хотя фактически паны контролировали лишь малую часть современных украинских земель), и эти планы заходили далеко.

В Кревской унии 1387 г. польские политики смогли добиться от литовского князя Ягайлы «присоединения» Великого княжества к польской короне [11, с. 23–33]. Такая политическая экспансия была обусловлена стремлением панства открыть для себя нивы Восточной Европы. Подспорьем в решении этой задачи должны были стать литовские аристократы. Чтобы склонить боярство Литвы к слиянию была предпринята попытка заинтересовать эту общественную силу, показав те сословные преимущества, которыми обладали феодалы Польши. Ягайло в 1387 г. распространил на литовских бояр-католиков привилегии. Попытка инкорпорации стала одним из первых шагов в процессе сближения Великого княжества Литовского и Польши [11, с. 33–36].

Польские концепции восточной политики находят свое отражение в работах историка и дипломата Яна Длугоша. К концу XV столетия «*Annales seu Cronicae incliti Regni Poloniae*» («Анналы истории Польши») он пишет о предостережении короля Казимира литовским панам о войне с русским государем, называя последнего «противником сильным». И если паны начнут войну с ним, то, скорее всего, найдут в ней свою гибель [10, с. 14]. Б. Н. Флоря, анализируя данный фрагмент, приходит к выводу, что польские политики не только заметили появление новой могущественной державы, но и серьезно задумались о последствиях военных конфликтов с Московией за белорусские и украинские земли. Данный текст интересен тем, что отражает отголоски дискуссий среди польского панства и их видение политических задач, которые впоследствии будут стоять перед уже объединенным польско-литовским государством.

В средневековом историко-публицистическом дискурсе прослеживается преимущество концепции Яна Длугоша, согласно которой украинские земли – это старые владения польских королей, начиная с Болеслава Храброго. Этот тезис перешел на страницы работы дипломата М. Кромера «Польская хроника» [20], где также был отмечен поход Казимира на Галицкие земли в 1349 году с целью возвращения территорий, потерянных в ходе феодальной раздробленности [20, с. 170].

В «Хронике» Мартина Кромера Московии уделяется несравнимо больше внимания, нежели у Яна Длугоша. Во вступительной части труда рассматривается история Московского государства [20, с. 30], когда у Длугоша эта тема поднималась лишь в конце. Наличие подобной главы в «Хронике» дает ясное понимание того, что автор не может рассматривать современную ему картину международных отношений без упоминания о Московии. Следовательно, уже на рубеже XV–XVI веков начинает формироваться идея о том, что основным восточным антагонистом Польши выступает именно Россия.

Сравнительный анализ работ Мартина Кромера и Яна Длугоша дает представление о месте Московии в политическом сознании населения Польши в XV и XVI столетиях. Если в XV веке Московское государство видится полякам как объект европейской политики, то к концу XVI века русские цари выступают субъектами на геополитической арене Восточной Европы.

Уже в первой половине XVI века происходит идеологический синтез польских и литовских внешнеполитических доктрин. Мощным катализатором сближения стало объединение русских земель Василием III и наступательные войны Ивана IV. Мартин Кромер писал, что князья московские приняли титул «всая Руси», а параллельно с этим предъявляют претензии на территории близ реки Березина [20, с. 1346]. Польский поэт Ян Кохановский упоминает о том, что князь Московский, захватив Полоцк, предъявляет претензии также и на Галичину, аргументируя наследственным правом [18, с. 66]. Флоря, широко цитируя Кромера, приходит к выводу, что польские паны прекрасно осознавали военную слабость княжества Литовского и необходимость помощи со стороны Польши [10, с. 24].

Этот вывод подтверждаем взглядами польского историка, географа и придворного врача Сигизмунда I Матвея Меховского, который в труде «Трактат о двух Сарматиях» описывает псковские и новгородские земли как часть Великого княжества Литовского [6, с. 106–108]. Литовские послы предъявили претензии на северо-западные уделы Московского государства спустя 49 лет после издания трактата Меховского, и, скорее всего, именно под влиянием его работы на переговорах в мае-сентябре 1566 г. было сказано: «Чтобы государь ваш поступился государю нашему старинные вотчины предков его, города Смоленска <...>, Великого Новгорода, Пскова...» [8, с. 369].

С наращиванием сил Московским государством усиливалась и солидаризация внешне-политических доктрин Польши и Литвы, видевших в разрастающемся восточном соседе серьезную угрозу не только для земель восточной части Украины, которые в столице Польши рассматривались как ближайший объект для военно-политической экспансии, но и для западных украинских земель, давно захваченных польской шляхтой. Польский поэт Ян Кохановский [7, с. 15] в поэме «Сатир или Дикий муж» пишет, что «Московский князь взял Полоцк и доказывает, что Галич принадлежит ему по наследству» [18, с. 66].

Если самое начало зарождения идей (единое конфедеративное государство от Балтийского до Черного и Адриатического морей), которые впоследствии легли в основу концепции «Междуморья», связано с Кревской унией, то следующим этапом геополитического развития Польши и Литвы стала Люблинская уния 1569 года. В этот же период возрастает интерес европейцев к Московской Руси, что можно объяснить образованием могущественного на востоке Европы государства, которое помогло бы справиться с Османской империей, угрожавшей существованию европейской цивилизации [4, с. 26].

В вопросе о причинах принятия Люблинской унии между польской, советской и современной российской историографиями нет серьезных расхождений [9; 18; 21]. Поражение литовцев в войне с Московией на реке Ведроша (1500), утрата Полоцка в ходе Ливонской войны повысили интерес литовской аристократии к польской короне для сохранения своих позиций в Восточной Европе. В результате было сформировано государство шляхты, несмотря на попытки Ягеллонов навязать Речи Посполитой государственное устройство абсолютистского типа [9, с. 156]. Аугустыняк в статье «Польско-русские отношения в политической публицистике Речи Посполитой XVI–XVII вв. К вопросу о генезисе стереотипа» отмечает, что интерес к имагологии возник в Польше на рубеже 80–90-х годов и основными темами исследований были стереотипы в отношении поляков с народами Западной Европы, тесно связанными с Польшей этническими и конфессиональными конфликтами (немцы, евреи, протестанты). В то же время автор отмечает, что стереотипам русских было посвящено крайне мало работ (причем основой этих работ была публицистика XIX века) и все авторы единодушны в том, что стереотип русских в сознании поляков имел негативный окрас [1, с. 120]. И именно эта преемственность стереотипов помогла выдвинуть тезис о польской мегаломании Яну Станиславу Быстроне [12, с. 193], а также представить интересную гипотезу, в 1970-х годах обоснованную Янушем Тазбирой, о подверженности «поляков ксенофобии» в отношении Востока. По мнению Я. Тазбиры, устойчивые стереотипы сформировались к середине XVII столетия, а позже принесли плоды в виде своеобразного польского мессианства и национальной мегаломании [23, с. 7–30].

Уже в ходе Люблинского сейма наметились изменения в отношении к Московии и ее государю. Неслучайно когда дошла очередь говорить до Брацлавского воеводы Сангушкови-ча, то он заявил, что надо нанять войско, а не заключать мира с «Московским князем», и доказывал королю, что не будет лучшего времени для войны, так как «против Московского князя идет турецкое войско; шведов и датчан он тоже боится» [3, с. 499–501]. В глазах сейма Иван IV представлял как слабый и страшящийся своих соседей царь. Стоит отметить факт непризнания поляками царского титула русского государя.

Так как сейм в Люблине проходил в годы опричнины (1565–1572), воевода Сангушкович отмечал, что «много у него [Ивана IV] хлопот со своими подданными, которые, наверное, умертвили бы его, если бы он выехал в поле, потому что он намучил их», причем с этим мнением согласились многие сенаторы [3, с. 501].

Люблинская уния стала ярким примером мирной экспансии посредством династических соглашений и договоренностей. Был создан прецедент, открывавший возможность использовать аналогичные рычаги для привлечения русской аристократии к укреплению польской государственной модели.

Проецирование этой модели не заставило себя долго ждать. В 1572 г. скончался Сигизмунд II, остро встал вопрос о новом короле. Восприятие Ивана IV как противника было подкорректировано литовской православной шляхтой, так как его кандидатура стала довольно популярной. В сборнике «Политические сочинения с первого дня бескорольства» [14] Яна Чубека представлены памфлеты, демонстрирующие программы основных аристократических группировок.

Кандидатуру русского царя поддержали публицисты промосковского лагеря, написавшие «Zdanie o obieraniu nowego krola» («Предложение о выборе нового короля») [14, с. 349] и

«Sententia de eligendo novo rege ex duce Moshorum» («Решение о выборе нового короля от Московии») [14, s. 355]. В польско-русско-литовском союзе один из названных авторов видит великую силу, которая сможет доминировать не только в восточноевропейском регионе, но и во всем мире, проводя исторические аналогии с великими державами прошлого – Ассирийской, Римской и Персидской империями: «Если бы Польша с Литвой и Москвой соединились, то он [сын Ивана IV. – *Авт.*] бы приравнял державу к древним персидским, ассирийским и римским панствам, и монархиям, и была бы надежда на усмирение татарских орд» [14, s. 356].

Другой же анонимный публицист уделял больше внимания не современной ему геополитической ситуации в регионе, а именно личности Ивана IV и его сына (скорее всего, Ивана Ивановича): «О московском государе говорят, что наблюдателен, остроумен, разума великого, в рыцарских делах опытный, красивый, богатый и т. д. И о сыне его говорят все самое хорошее и почитают, и границы общие у нас с ним [Московским государством. – *Авт.*] есть. От женьитьбы с его сыном у нас может быть вечный мир» [14, s. 349].

В памфлетах ставится вопрос об экономическом лидерстве Московии в отношениях с Речью Посполитой: «Как московская земля закрылась, так города обнищали, а этому бедствию, которое началось, конца не было, если бы москвиты в города свои не пустили» [14, s. 369].

Мир был необходим для поляков и литовцев, одним из способов достижения этой цели было избрание русского царя на польский престол. Ожидаемым следствием такого поворота истории должно было стать прекращение войн на востоке, решение спорных вопросов на западе в пользу Речи Посполитой: «Земли прусские и поморские не выполняют своих обязательств перед Речью Посполитой и намереваются от нее отделиться с помощью императора <...>. С избранием царя положение изменится. Если немцы попытаются напасть, то постигнет их то, что при Ягайло (Грюнвальдская битва)» [14, s. 373–374]. От союза с Москвой также ожидали организации надежной обороны, в первую очередь, от Крымского ханства и Османской империи. Даже открывались перспективы изгнания турок за Дунай [14, s. 375].

Заметно определенное противоречие в оценках Московии и государя: с одной стороны, Россия выступала серьезным противником Речи Посполитой, но с другой – виделась союзником, с помощью которого можно попытаться пресечь непрекращающиеся набеги крымских татар. Проекция русского царя в сознании польского панства кажется дуалистичной: сила, ум и знания в военной области контрастируют с неумной тиранией и трусостью перед Швецией и Османской империей. Флоря в этом вопросе видит оценочные категории нового порядка, которые существуют уже вне классической однозначной средневековой системы (друг или враг) оценки соседних государств [10, с. 79].

Следовательно, вставало два пути развития Речи Посполитой: продолжение изматывающей войны с Россией или мир на востоке, чреватый ростом угрозы со стороны Ивана IV шляхетским вольностям.

Позиция промосковской шляхты изменилась в диаметрально противоположную сторону после письма царя, где он покушался на свободу элекции, планировал разорвать Люблинскую унию и добивался избрания на Литовский престол [22, s. 92]. Русско-польская уния означала бы на практике не слияние двух равных субъектов, а поглощение Москвой Речи Посполитой, где «вольная элекция» стала бы пустой формальностью при наследственной монархии. У. Аугустыняк выдвигает весьма дискуссионный тезис о невозможности приобщения московского дворянства к шляхетским вольностям и считает, что критики проекта «тройственной унии» оказались правы [1, с. 132].

Проблема «тройственной унии» является важной в рассмотрении преемственности идей польской идеологии «восточного щита» от Люблинского сейма до двадцатилетнего промежутка между Первой и Второй мировыми войнами.

В условиях инкорпорации Литвы и Польши и предшествующего этому периода выстраивается стройная схема русско-польских отношений. Если в XV столетии Московское княжество предстало как объект политики, находящийся на периферии международных процессов, то ко второй половине XVI века Московии уделено несравнимо больше внимания не только во внешнеполитических доктринах, но и в политико-исторической публицистике. На массовое сознание проецируется образ опасного врага, претендующего на земли бывшего Галицко-Волынского и Киевского княжеств. Представление Московии в роли антагониста было закреплено Польшей через унию с Литвой, которая создала шляхетское государство – Речь Посполитую.

Состоявшаяся инкорпорация влечет за собой не только замену или слияние институтов государственной власти, но и симбиоз внешнеполитического опыта, доктрин. Польским маг-

натам на Люблинском сейме, по сути, пришлось учесть опыт именно русско-литовских отношений, и в дальнейшем он и стал источником грядущих конфликтов.

Несмотря на усиление экспансии Польши на восток, Люблинская уния стала примером мирных территориальных приращений. Промосковским лагерем литовской шляхты была сделана попытка привлечения Ивана IV на престол Речи Посполитой. Выпускались политические памфлеты, хвалившие русского царя и превозносившие возможный польско-русско-литовский альянс. Но опрометчивые действия и письма Ивана IV оттолкнули от него промосковскую группировку, что продолжило изматывающую Ливонскую войну.

Перцепция России Польшей на этапе строительства конфедеративного государства как естественной угрозы Западу и «шляхетским вольностям» стало основой образа врага в коллективном сознании поляков. Данный историко-культурный код заимствовался польским обществом на всех исторических этапах с момента заключения унии 1569 г. в Люблине.

Если в XVI веке Люблинская уния определила Речь Посполитую как щит от Московии на международной арене, то в XX веке концепция *Intermarium* Юзефа Пилсудского конкретизировала место и роль Польши в Европе, отголоски которого до сих пор слышны в современном политическом дискурсе. Поражение промосковской шляхты в годы первого бескоролья имело следствием формирование в коллективном сознании враждебного образа России – основной угрозы Речи Посполитой. В современности следует не только помнить об историческом опыте взаимоотношений, но и вести конструктивный диалог, опирающийся не на «историческую справедливость», а на примеры и перспективы плодотворного сотрудничества.

Список литературы

1. *Аугустыняк У.* Польско-русские отношения в политической публицистике Речи Посполитой XVI–XVII вв. К вопросу о генезисе стереотипа // Россия, Польша, Германия: история и современность европейского единства в идеологии, политике и культуре : сборник статей. М. : Индрик, 2009. 370 с.
2. *Бородавкин С. В.* Гуманизм и гуманность как два языка культуры. СПб. : Русско-Балтийский информационный центр, 2004. 240 с.
3. *Дневник Люблинского сейма 1569 года : Соединение Великого княжества Литовского с Королевством Польским.* СПб. : Печатня В. Головина, 1869. VII, [3]. 780 с.
4. *Кудрявцев О. Ф.* Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. М. : Русский мир, 1997. 408 с.
5. *Липатов А. В.* Российско-польская история: и общая, и разделенная. Россия и Польша // Россия и Польша. История общая и разобшенная / под ред. Е. И. Пивовара, О. В. Павленко. М. : Аспект Пресс, 2015. 416 с.
6. *Меховский М.* Трактат о двух Сарматиях. М.–Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1936. 303 с.
7. *Николаев С. И.* От Кохановского до Мицкевича. Разыскания по истории польско-русских литературных связей XVII – первой трети XIX в. СПб, 2004. 266 с.
8. Сборник Императорского Русского Исторического Общества. СПб., 1867–1916. 148 т. Т. 71 : Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством, часть 3-я (годы с 1560 по 1570) : Т. 3 / изд. под наблюд. Г. Ф. Карпова. 1892. [8], VI. 807 с.
9. *Тымовский М., Кеневич Я., Хольцер Е.* История Польши / пер. с польск. М. : Весь Мир, 2004. 544 с.
10. *Флоря Б. Н.* Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI – начале XVII в. Москва, 1978. 303 с.
11. *Bardach J.* Studia z ustroji i prawa. Wielkiego Ksiestwa Litewskiego (XIV–XVII w.) Warszawa, 1970. 404 s.
12. *Bystron J.* Megalomania narodowa. Warszawa, 1935. 311 s.
13. *Chodakiewicz M. J.* The Massacre in Jedwabne, July 10, 1941: Before, During, After. East European Monographs, 2007. 224 p.
14. *Czubek J.* Pisma Polityczne z czasow pierwszego bezkrolewia. Krakow, 1906. 765 s.
15. *Dzięgielewski J.* O ustroju, decydentach i dysydentach. Studia i szkice z dziejów pierwszej Rzeczypospolitej. Kraków : Wydawn. i Poligrafi a Kurii Prowincjalnej Zakonu Pij aró w, 2011. S. 7.
16. *Gadomski W.* Obsesje historyczne prawicy // Gazeta wyborcza. 2011. 27 czerw.
17. *Gross J. T.* Neighbors: The Destruction of the Jewish Community in Jedwabne, Poland, Princeton University Press, 2001. 157 p.
18. *Kochanowski J.* Dzieła polskie. Warszawa, Państwowy Instytut Wydawniczy 1972. 989 s.
19. *Kolankowski L.* Polska Jagiellonów: dzieje polityczne. Olsztyn. 1991 [1936]. 507 s.
20. *Kromer M.* Kronika Polska. T. 1. Sanok, 1868. 718 s.
21. *Łowmiański H.* Polityka Jagiellonów. Poznań, 1999. 699 s.
22. *Orzelski S.* Bezkrolewia ksiąg osmioro czyli dziego Polski od Zygmunta Augusta r. 1572 do r. 1576, t. I. SPb. Mohylew, 1856. 139 s.
23. *Tazbir J.* Rzeczpospolita i świat. Warszawa, 1968. 208 s.

Social perception of Russia in the framework of the genesis of the Confederate Polish state

A. A. Zvorygin

master of history, postgraduate student, Vyatka State University; employee, Kirov Regional Museum of local lore.
Russia, Kirov. E-mail: artem_zvorygin@list.ru

Abstract. The article is devoted to the social perception of Russia within the framework of the genesis of the Confederate Polish state. The aim of the study is to identify the distinctive features of social perception in Modern times, as well as fragments from the common Polish-Russian history that have left a mark on historical memory. The intellectual origins of the Russian-Polish contradictions were able to preserve the political antagonism of Russia and Poland until the XXI century. Based on this, it is important to understand what causes the negative images of neighboring States and why they still exist. The article deals with the political journalism of Poland and diplomatic documents of the XV–XVI centuries. The continuity of medieval patterns in the formation of group motivational and semantic structures is revealed. The heterogeneity in the perception of Russia by the Polish-Lithuanian society is considered. The conclusion is substantiated that the Union of Lublin in 1569 is the starting point of the change in the attitude of the Polish-Lithuanian state to Muscovy – if before the XVI century the Eastern neighbor was not considered as a serious opponent in the international arena, then by the middle of the XVI century the Moscow state was perceived not only as a dangerous opponent, but also as a possible partner in the creation of a triple corporate state. The opportunity for rapprochement was missed by Ivan IV, who at that time pursued a repressive policy of the oprichnina and encroached on the important freedom of the electorate of the Polish-Lithuanian Commonwealth elite, which alienated both the nationally oriented nobility and the pro-Moscow gentry from the Russian Tsar.

Keywords: Polish-Lithuanian Commonwealth, Russia, Lublin Union, international relations, social perception, politics of historical memory.

References

1. *Augustynyak U. Pol'sko-russkie otnosheniya v politicheskoy publicistike Rechi Pospolitoj XVI–XVII vv. K voprosu o genezise stereotipa* [Polish-Russian relations in the political journalism Of the Polish-Lithuanian Commonwealth of the XVI–XVII centuries. To the question of the genesis of the stereotype] // *Rossiya, Pol'sha, Germaniya: istoriya i sovremennost' evropejskogo edinstva v ideologii, politike i kul'ture : sbornik statej* – Russia, Poland, Germany: history and modernity of European unity in ideology, politics and culture : collection of articles. M. Indrik. 2009. 370 p.
2. *Borodavkin S. V. Gumanizm i gumannost' kak dva yazyka kul'tury* [Humanism and humanity as two languages of culture]. SPb. Russian-Baltic information center. 2004. 240 p.
3. *Dnevnik Lyublinskogo sejma 1569 goda : Soedinenie Velikogo knyazhestva Litovskogo s Korolevstvom Pol'skim* – Diary of the Lublin Sejm of 1569 : Connection of the Grand Duchy of Lithuania with the Kingdom of Poland. SPb. Printing house of V. Golovin. 1869. VII, [3]. 780 p.
4. *Kudryavcev O. F. Rossiya v pervoj polovine XVI v.: vzglyad iz Evropy* [Russia in the first half of the XVI century: a view from Europe]. M. Russian world. 1997. 408 p.
5. *Lipatov A. V. Rossijsko-pol'skaya istoriya: i obshchaya, i razdelenaya. Rossiya i Pol'sha* [Russian-Polish history: both general and divided. Russia and Poland] // *Rossiya i Pol'sha. Istoriya obshchaya i razobshchennaya* – Russia and Poland. General and disunited history / ed. Pivovara, O. V. Pavlenko, M. Aspect Press. 2015. 416 p.
6. *Mekhovskij M. Traktat o dvuh Sarmatijah* [Treatise on two Sarmatians]. M.-L. Academy of Sciences of the USSR. 1936. 303 p.
7. *Nikolaev S. I. Ot Kohanovskogo do Mickevicha. Razyskaniya po istorii pol'sko-russkih literaturnyh svyazej XVII – pervoj treti XIX v.* [From Kohanovsky to Mickiewicz. Search on the history of Polish-Russian literary relations of the XVII – first third of the XIX centur. SPb. 2004. 266 p.
8. *Sbornik Imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo Obshchestva* – Collection of the Imperial Russian Historical Society. SPb. 1867–1916. 148 vol. 71: Monuments of diplomatic relations of the Moscow state with the Polish-Lithuanian state, part 3 (years from 1560 to 1570): Vol. 3 / ed. under the supervision of G. F. Karpov. 1892. [8], VI. 807 p.
9. *Tymovskij M., Kenevich Ya., Hol'cer E. Istoriya Pol'shi* [History of Poland] / translated from Polish. M. Ves' Mir. 2004. 544 p.
10. *Florya B. N. Russko-pol'skie otnosheniya i politicheskoe razvitie Vostochnoj Evropy vo vtoroj polovine XVI – nachale XVII v.* [Russian-Polish relations and political development of Eastern Europe in the second half of the XVI – early XVII century]. M. 1978. 303 p.
11. *Bardach J. Studia z ustroji I prawa Wielkiego Ksiestwa Litewskiego (XIV–XVII w.)* Warszawa, 1970. 404 p.
12. *Bystron J. Megalomania narodowa.* Warszawa, 1935. 311 p.
13. *Chodakiewicz M. J. The Massacre in Jedwabne, July 10, 1941: Before, During, After.* East European Monographs, 2007. 224 p.

14. *Czubek J.* Pisma Polityczne z czasow pierwszego bezkrolewia. Krakow, 1906. 765 p.
15. *Dzięgielewski J.* O ustroju, decydentach i dysydentach. Studia i szkice z dziejów pierwszej Rzeczypospolitej. Kraków : Wydawn. i Poligrafia Kurii Prowincjalnej Zakonu Pijarów, 2011. P. 7.
16. *Gadomski W.* Obsesje historyczne prawicy // Gazeta wyborcza. 2011. 27 czerw.
17. *Gross J. T.* Neighbors: The Destruction of the Jewish Community in Jedwabne, Poland, Princeton University Press, 2001. 157 p.
18. *Kochanowski J.* Dzieła polskie. Warszawa, Państwowy Instytut Wydawniczy 1972. 989 p.
19. *Kolankowski L.* Polska Jagiellonów: dzieje polityczne. Olsztyn. 1991 [1936]. 507 p.
20. *Kromer M.* Kronika Polska. T. 1. Sanok, 1868. 718 p.
21. *Łowmiański H.* Polityka Jagiellonów. Poznań, 1999. 699 p.
22. *Orzelski S.* Bezkrolewia ksiąg osmioro czyli dzieje Polski od Zygmunta Augusta r. 1572 do r. 1576, t. I. SPb. Mohylew, 1856. 139 p.
23. *Tazbir J.* Rzeczpospolita i świat. Warszawa, 1968. 208 p.